

ЗЕМЛЯКИ

АННА НЕМЕРОВСКАЯ

Детские годы чудесные...

Рассказ

Память – удивительное создание Высшего Разума... Почему одни события запоминаются, а другие – нет? Как, по каким законам и по каким ассоциациям всплывают в памяти совсем далекие и почти забытые события?...

Мои внуки, когда были маленькими, просили меня: «Бабушка, расскажи, как мой папа был маленьким». А рассказывать следовало именно какие-нибудь забавные случаи, и для этого приходилось перемежать правду с... как бы помягче выразиться... не то чтобы с вымыслом, а просто немного расцвечивать историю некоторой долей юмора. Я помнила главный принцип педагогики: детям нельзя врать. И я не врала. (Боже упаси!) Но надо же рассказать внукам, какой у них был послушный, старательный папа, как он хорошо учился и вообще...

Говорят, чем старше человек, тем чаще он вспоминает молодость. Значит, я старею... Ну и пусть, зато так приятно перебирать старые фотографии и вспоминать...

* * *

У меня два сына – старший, Володя, и младший, Матвей. Разница 5 лет. Жили мы в пригороде Баку, в поселке с довольно прозаическим названием «8-й километр». Район новостроек, «спальный район». Семьи обычно большие. Работающий народ по утрам разъезжался, но поселок не пустел: бабушки, дедушки, ребятишки – дома.

Для начала надо описать моих деточек, их поведение, привычки, обстановку в доме... Как это часто бывает, дети, рожденные одними и теми же родителями, имеют совершенно разные характеры, темпераменты, манеры.

Володька – самый высокий в классе. Родственники называли его на родном идише «а лангэр локш», в дословном переводе – «длинная лапша», а по отношению к подростку означало не просто высокий, а длинный, худой, руки-ноги, как у Бурадино, на шарнирах. При этом медлительный и ленивый – все ему по фигуре.

Очень не любит быть в центре внимания, в незнакомом обществе сидит обычно в углу, всех выслушивает, все впитывает, но сам в разговоре не участвует. Долго привыкает к новым людям.

Когда бабушка просила его сходить в магазин за хлебом или молоком, делал это с большой неохотой. А если и соглашался, то сначала подсчитывал, сколько надо заплатить за покупку, и брал точно требуемую сумму, чтоб без сдачи, тогда с кассиршей не нужно будет разговаривать.

Дело в том, что у нас в Баку кассиры очень не любили давать сдачу. «У меня нет сдачи», – нагло говорила кассирша и смотрела прямо в глаза. Что тут поделаешь? Просто уходишь, становясь как бы жадиной-говядиной. Не жалко этих 3-5 копеек, но чувствуешь себя противно надутый. Прошло много лет, пока я сама научилась, презрительно скривив губы, говорить: «Считаю, что я подала нищей 5 копеек». Но это я, взрослый человек, а мальчик, который не может ничего кассиру ответить?

Мотья тоже не маленький, не самый высокий в классе, но один из... Сложен чуть лучше, покрепче, во всяком случае под определение «лангэр локш» не подходит. По характеру – полная противоположность брату. Шустрый, живчик, любопытный, до всего ему есть дело, во всем жаждет участвовать.

Когда Мотя подросток, он с удовольствием, лет эдак с семи, ходил в магазин. И хотя тоже предпочитал брать с собой сумму денег без сдачи, но если не получалось, протягивал кассирше, скажем, рубль и звонким голосом на весь магазин провозглашал: «Два творога, пакет молока и 37 копеек сдачи». Чаще срабатывало, но не всегда. Володя с превеликим удовольствием отдал брату почетную обязанность – ходить в ближайший гастроном, выполняя бабушкины поручения.

Активный, непоседа и при этом прагматик.

В начале учебного года в класс пришел фотограф, снимал детей им на память в разных позах: у доски, у глобуса и др. Всем было велено принести по рублю за «память». Матвей принес свой рубль и внимательно проследил, как учительница записала его фамилию в список. Прошел месяц, все, и я в том числе, благополучно забыли про этот рубль, но не Мотя. Как-то вечером он напомнил мне о нем:

– Я завтра подойду к учительнице и попрошу свой рубль обратно. Вдруг вообще фотографий не будет? А если потом фотограф принесет их, то сразу же отдам свой рубль.

Я понимала, что сказать ему просто «нельзя» не могу, в нашей семье так не принято, и дети привыкли, что я всегда объясняю им, почему не разрешаю так делать или говорить. Оказывается, я «изобрела велосипед», – это давно известный педагогический принцип: не следует просто запрещать, надо, по возможности, объяснить логику своего запрета, во всяком случае, постараться. Пришлось призвать на помощь мой авторитет, умение убеждать и даже некоторым образом ораторское искусство, чтобы уговорить своего малявку так не делать.

– Этим заявлением ты можешь обидеть учительницу, это проявление недоверия, это сомнение в ее честности. Ты, пожалуйста, ничего не говори, а я на родительском собрании постараюсь деликатно выяснить этот вопрос.

Прошла еще неделя, другая, и сын принес долгожданные фотографии.

– Представляешь, как неуютно ты бы себя чувствовал сейчас, если бы тогда потребовал свой рубль? Всегда надо думать о том, как бы не обидеть человека.

Обычно первым приходил из школы Матвей.

– Так, – с порога обращался он к бабушке, – сразу скажи, если надо идти в магазин, пока я не разделся.

– Садись, Мотенька, кушать.

– Нет, я лучше сначала сделаю уроки, а потом с Вовой буду кушать.

– Только не торопись, голубчик, сделаешь неаккуратно – мама опять ругать будет.

Мотя соглашался, но, так как никакого терпения не было, делал уроки быстро – 5 минут на каждый предмет. Примеры были решены верно – единственный плюс, но все тетради грязные, заляпаны, написано в них врыв и вкось, зачеркнуто-перечеркнуто, словом, «грязнописание». Когда я приходила с работы и видела этот кошмар, первым делом заставляла переписывать. А чтобы сохранить неизменным количество листов в тоненькой тетради, отгибали скрепки, вынимали грязные листки, вставляли новые, и великомученик Мотя со слезами на глазах от жалости к себе все переписывал.

Володя приходил из школы на час-полтора позже Моти. Оба садились кушать. Вова брал в руки книгу (благо, дома была обширная библиотека), читал и ел медленно, неспеша. Бабуля подкладывала еще, радуясь хорошему аппетиту деточки. Ведь какая радость для нее, если внук ест все, что лежит на тарелке, а порой и добавки просит! И невдомек наивной, что таким способом он старается продлить время чтения и отдалить выполнение уроков. А Мотя ел быстро, ну, понятное дело, шпильки у него кое-где...

Наконец поводы для оттягивания выполнения школьных заданий были исчер-

паны, и Володя, к бабушкиному удовольствию, садился за уроки. Наступал священный момент, когда она старалась не заходить в его комнату, чтобы не потревожить умницу. А умница тем временем, разложив учебники, доставал «Трех мушкетеров» или другую книгу и увлеченно читал, забыв об уроках.

Книг читал он много и разных, но «Три мушкетера» была особая любовь. Он знал ее наизусть, но все равно примерно раз в неделю доставал, открывал на любой странице и, увлекшись в очередной раз, не мог оторваться и дочитывал до конца. То есть, я так думаю, если начало книги он читал раз 20, то конец – раз 50. Я прятала книгу несколько раз, но он каким-то непостижимым образом (по запаху, что ли?) находил. Я прятала снова, и все повторялось до тех пор, пока я не спрятала ее так, что найти ее не мог никто, и я сама в том числе.

Так у нас повелось, что мои дети не посвящали меня в подробности школьной жизни. Я не спрашивала, считая, что они сами должны решать свои проблемы. А если будет нужен мой совет, они всегда могут обратиться. Теперь-то я сильно сомневаюсь в правильности этого своего педагогического «принципа».

В школу я приходила 4 раза в год на родительские собрания. Сидеть мне на них не особенно хотелось. Я заходила сначала в класс старшего. Просила прощения за то, что должна уходить на собрание к другому сыну.

Учительница:

– Конечно, конечно. Вот ваша ведомость. Что сказать? Мальчик у вас способный, учится прекрасно. Но очень неактивный. На уроке не проявляет инициативу, спросишь – все ответит, а сам никогда не поднимет руку. Вы, мамаша, уж постарайтесь его расшевелить, чтобы поактивнее, посмелее был.

Я:

– Обязательно, непременно постараемся.

Иду к младшему. Говорю, что сидеть на собрании, к сожалению, не могу, так как должна уходить к старшему.

Учительница:

– Конечно, конечно. Вот ваша ведомость. Что сказать? Мальчик у вас способный, учится прекрасно. Но уж очень непоседливый. На уроке крутится, разговаривает, ответ выкрикивает, даже если его не спрашивают... Вы, мамаша, уж постарайтесь его дисциплинировать.

Я:

– Обязательно, непременно.

И спокойно уходила домой с двумя ведомостями. Дома я, разумеется, не рассказывала, как за полчаса умудрялась побывать на двух собраниях. (Ведь врать – ах! – так некрасиво!)

Я не рассказывала о родительском собрании, а дети не рассказывали о событиях в школе. У нас были другие темы для разговоров и обсуждений.

Я занималась немного с моими пацанами, проверяла домашние задания, при этом ненароком забегала вперед школьной программы, поэтому учились они хорошо.

Надо сказать, что в моем дипломе Азербайджанского государственного университета была запись: физик, преподаватель физики. В результате среди множества профессий, которые мне пришлось перебрать, были и лаборант в Лаборатории физики проводников Академии наук Азербайджана, и слесарь КИП (контрольно-измерительных приборов) на военном заводе, и программист в вычислительном центре Статуправления, а затем в ВЦ Минавтотранспорта; был также год, проведенный в далеком горном военном городке Ахалкалаки. Муж служил там офицером-двухгодичником, а я преподавала физику и астрономию в вечерней школе при Доме офицеров.

Так что опыт преподавания и (скажу, не хвляясь) определенные навыки объ-

яснять у меня имелись. Темы обсуждений были самые разные: от электричества (мы не знаем природы электричества, хотя знаем некоторые его законы и пользуемся ими) и законов притяжения (мы просто принимаем факт его существования) до последствий путешествия человека в машине времени, происхождения «черных дыр» и еще много-много чего.

– Представь себе, – говорила я, – большой пышный матрас полосатой расцветки. Положим в середину очень тяжелый шарик. Матрас прогнется. Если положить рядом маленький шарик, то он скатится в углубление к первому, он как бы притягивается к нему. Катиться он будет по полоске, нарисованной на матрасе, и при этом будет «думать», что двигается по прямой. Для него это прямая – наикратчайшее расстояние. А мы видим, что он движется по дуге.

От этого объяснения было недалеко до искривления пространства, сравнения Евклидовой геометрии с геометрией Лобачевского и других умных вещей. После прочтения какого-нибудь научно-фантастического рассказа я ненавязчиво вызывала Вову на обсуждение технических проблем, плавно переходя к физике, космогонии и даже социологии.

Интересные разговоры возникали, в частности, насчет путешествия во времени. Перепрыгнуть на несколько десятилетий (или столетий) вперед весьма любопытно – как там будет, в будущем? А вот вернуться назад, в прошлое... Исправить, например, ошибку молодости, не совершить когда-то совершённый нехороший поступок или, наоборот, поступить благородно, изменив тем самым ход истории... Надо учесть при этом определенные этические нормы. Вернувшись в прошлое, человек может очень сильно изменить ход истории, и не всегда в хорошую сторону.

Как-то после фантастического рассказа о пропаже нескольких космических кораблей при необычных обстоятельствах (людей на этих кораблях не было, только роботы, но их тоже было жалко) зашел разговор о так называемых «черных дырах».

О «черных дырах» еще в 1915 году говорил Альберт Эйнштейн. Когда-то гигантские звезды начали угасать и сжиматься под собственным весом до невероятно маленьких размеров. Все знают, что атомы состоят из маленького тяжелого ядра и вращающихся вокруг него электронов. Если сорвать с орбит все электроны, оставить только ядра, получится уплотненное, необыкновенно тяжелое вещество. Кусочек такого вещества размером со спичечный коробок весил бы как наш Земной шар. У тела с такой плотностью настолько большая сила притяжения, что оно «всасывает» в себя все, что попадает к нему на пути, даже свет не может вырваться из «черной дыры». А тем более космический корабль, которого попросту разорвет на молекулы. Но даже если бы путешественники не погибли, они все равно не смогли бы вернуться на Землю. Для того, чтобы вырваться из этой «дыры», нужно двигаться быстрее скорости света, а это пока невозможно.

А Мотя обязательно стоял рядом, внимательно слушал обоих, широко раскрыв уши, глаза, рот и черепную коробочку. Насколько глубоко он воспринимал услышанное, я не контролировала, я считала, что вызванный в процессе разговора интерес к науке отложится где-то в уголках памяти и когда-нибудь позже всплывет в нужный момент. Это был мой следующий педагогический принцип – не подлаживаться под возраст ребенка, а говорить с ним о научных идеях как можно раньше – пусть не все до конца пока понимает, но интерес останется.

Прошли годы. Уже будучи в Америке, мы смотрели фильм «Back to the future» и вспоминали те далекие обсуждения. Интересно устроена наша память... Помню подробно, в деталях, наши разговоры, Володькины вопросы, Мотьины круглые глаза...

Вечером, придя с работы и поужинав, дедушка садился на диван и призывал к себе Мотю, который освобождался, наконец, от исправления своего «грязнописания» (Вова тем временем еще делал уроки). Оба любили эти недолгие вечерние поси-

делки: дед в них души не чаял, а Мотья... ну, скажите, пожалуйста, кому еще, как не деду, мог он вешать лапшу на уши? Это же так приятно – кому-то с апломбом рассказывать что-то «умное»! Дед слушал с обожанием, Мотья распался с каждым вечером все больше.

– Ну, о чем нам с тобой сегодня поговорить? – спрашивал обычно Мотя.

Однажды он спросил деда после этого, уже ставшего ритуальным, вопроса:

– А ты вообще знаешь, что такое «черные дыры» во Вселенной?

В самом тексте вопроса не было ничего криминального, но я решила сбить спесь с этого воображалы, так как уловила в его интонации толику высокомерия, вообще-то простительного для 9-летнего пацана, только что узнавшего о сверхзвездах. Но это ни в коем случае нельзя было оставить без внимания.

По советским меркам, у нас была большая 3-комнатная квартира (по-американски – 2 бедрум), но все-таки уединиться было непросто (семья-то большая). Единственное место в квартире для уединения и частных разговоров – «кабинет», роль которого исполнял наш совмещенный санузел. Так что, следуя непреложному (не все, увы, ему следуют) закону педагогики – хвалить ребенка при всех, а делать замечания без свидетелей – я вызвала Мотю в этот самый «кабинет».

Он догадался, что в чем-то провинился, но искренне не мог понять, в чем.

– Как ты разговариваешь с дедушкой? Ты знаешь, какая у него была тяжелая жизнь – бедность, войны? У него не было возможности получить высшее образование. А ты только сегодня узнал, что такое «черные дыры» и уже говоришь об этом, задрав нос. Когда ты разговариваешь с человеком, помни об интонации, говори без высокомерия, так, чтобы не обидеть собеседника, особенно пожилого и, тем более, родного дедушку.

Дедушка не понял ни Мотиного вопроса, ни почему я неожиданно позвала ребенка в «кабинет» («Наверное, надо было», – подумал он). А потом внучек подошел к дедушке и стал подлизываться к нему. Дед был счастлив! А я была рада, что мне удалось сделать еще один шаг на пути воспитания с детства (а потом, увы, будет поздно, если не вовсе бесполезно) уважения к старшим.

Очередной педагогический принцип: с детства воспитывать уважение к близким, пожилым и вообще ко всем людям.

Володя учился в 7 классе, Мотья, соответственно, во 2-м. В 7 классе, как все, наверно, помнят, начинают принимать в комсомол. Для родившихся много позже и не знающих эту замечательную организацию, расшифровываю: КОММУНИСТИЧЕСКИЙ СОЮЗ МОЛОДЕЖИ. Из учеников, которым уже исполнилось 14 лет, раньше всех принимали отличников и хорошистов – тех, кто учится без троек.

Потом по очереди группами шли в комсомол и другие, пока не оставались самые отстающие и ленивые. Но в конце года их уже взашей гнали в комитет комсомола за анкетой и на собеседование. После заполнения анкеты, собеседования и получения двух рекомендаций от активных комсомольцев (все, как у больших, как у старших товарищей) назначался день, когда комитет комсомола школы приглашал «желающих» вступить в комсомол. Их гоняли по уставу, задавали вопросы на общие политические темы – словом, изображали очень важную и серьезную процедуру. Но в конце концов принимали всех.

Володе уже давно исполнилось 14. Он был одним из лучших учеников (ну, скажем, в первой пятерке), а все еще к концу учебного года не комсомолец. Тут я могла бы расписать, как он будто бы противился быть членом Коммунистического союза молодежи, как в свои 14 лет был, якобы, независим и прозорлив... но не могу – истина дороже. Ведь я же внушаю детям, что врать нехорошо.

В конце учебного года Володьку в школе пихали в комсомол всеми силами. Как же так – он, почти отличник, остался с несколькими двоечниками «неохваченным».

Принять его в комсомол стало в классе делом престижа. А ему как-то по фигу. Правда, членство в комсомоле давало право не носить пионерский галстук. Представьте себе «а лангэр локш», который выше всех учительниц и многих десятиклассников, а ходит по школе с красным галстуком на шее. Однако галстук благополучно перемещается в карман. И все, вроде бы, в норме. Но... И учителя, и члены комитета комсомола школы постоянно делают замечания, раз за разом заставляют вытаскивать галстук из кармана и посылают... в комитет комсомола за анкетой и уставом для изучения. Он обещает и опять откладывает на завтра. Как всегда. Как решение всех своих проблем. Все отодвигается «на потом», по принципу и в надежде, что, авось, рассосется.

Как я уже сказала, я не рассказывала о родительских собраниях, на которых практически не присутствовала, а дети не рассказывали о событиях в школе. Я не спрашивала, почему мой старший «локш» до сих пор не комсомолец, а он не рассказывал.

Вот и учебный год кончился. Лето пролетело быстро. Володя пошел в 8-й класс. Пионером. А Мотья, соответственно, в третий.

Теперь переключимся на младшего. Мотье 10 лет, он в третьем классе. Настала пора вступать ему в коммунистический союз младших школьников – Всесоюзную пионерскую организацию им. Ленина. Но я об этом начисто забыла, а малый не рассказывает, что происходит в школе.

А в школе тем временем... Из всех 10-леток выбрали 10 лучших учеников и стали их готовить к «процедуре особого значения в их жизни» – приему в пионеры. Каждый день на последнем уроке учительница рассказывала об этом важном событии, и все учили торжественное обещание. (Помните? «Я, юный пионер Советского Союза, торжественно обещаю...»). Потом в актовом зале 10 счастливых репетировали этот процесс – держа правую руку согнутой в локте (на ней будет висеть новенький галстук), маршировали, построившись в два ряда по пять в каждом ряду, выходили на сцену и застывали. Остальные ученики в это время сидели в зале поодаль и должны были нещадно завидовать избранным. Подразумевалось, что они тоже будут стремиться в пионеры всей душой. После этого члены комитета комсомола, произнеся все полагающиеся речи, выслушав торжественные клятвы новоприпеченных пионеров, повяжут им галстуки и – раздадутся бурные аплодисменты!

Все готовилось исключительно тщательно еще и потому, что на это мероприятие (директриса разведала) должен будет прийти представитель РОНО(!) (это же гроза директоров всех школ – Районный отдел народного образования) и может, даже – фотокорреспондент местной газеты. Вы ж представляете, какая ответственность!...

Мотья вместе со всеми учил торжественное обещание, маршировал, но дома ничего не рассказывал – просто забывал. Так что, когда будет это знаменательное событие, мы не знали. А самое главное – тот, важнейший для этого мероприятия предмет, который должен будет висеть на его согнутой правой руке – красный галстук, не был куплен! Каждый день в школе он думал о том, что надо сказать маме, чтобы купила галстук, но пока доходил до дому, эти правильные мысли начисто выветривались из его головы – его увлекали другие дела и хлопоты.

И вообще, пример старшего брата не вдохновлял. Каждое утро они шли вместе в школу, Мотья видел, что Вова снимает галстук и запихивает его в карман. Кроме этого, старший брат научил его такому, с позволения сказать, стихотворению:

*Как повяжешь галстук, береги его.
Как захочешь кушать, поверни его.*

То есть, чисто утилитарное применение – галстук поворачивается широким концом вперед и превращается в слюнявчик.

Одним словом, почтения к галстуку и трепета перед вступлением в ряды Всесоюзной пионерской организации (даже имени Ленина) не было никакого.

И вот в конце сентября, уложив детей спать, занимаемся на кухне со свекровью своими делами, болтаем о нашем, о женском. Глажу ребячьи рубашки и удивляюсь, почему каждый день они становятся такими грязными и мятыми, особенно у Вовки. Потом выяснилось, что он – активный участник игры под названием «конный бой», весьма популярной тогда на большой перемене. Кто не знает, объясню. Участвуют 2 пары. Самый маленький пацан («всадник») садится на плечи самому высокому («коню»). Так же делает другая пара. «Конь» насакивает на другого «коня». Руки «коня» в борьбе не участвуют — он держит за ноги «всадника». А «всадники» дерутся руками. Их задача – стащить противника с «коня». И вот мой Володька – весьма успешный «конь». А ноги «всадника» елозят по его чистенькой, выглаженной белой рубашке, в которой я каждое утро отправляю его в школу. И это тихоня Вова?! Ленивый, стеснительный мальчик, который стесняется пойти в комитет комсомола?... Выходит, не совсем робкий, не все ему так уж по фигуре?

Возвращаюсь к вечеру конца сентября, когда дети должны уже спать, а у нас, взрослых, есть часок на что-нибудь свое. Вдруг на кухне появляется в пижаме зашпанный Мотья и говорит:

– Меня завтра будут принимать в пионеры, а у меня нет галстука.

– !!! Почему ты мне раньше не сказал?!?!

– А я забыл.

Тут только мы узнали, как весь месяц они готовились – учили клятву, маршировали и т.д. Вот и все. Просто, ясно, скромно! Свалил на меня свою проблему и ушел спать. И заснул, поверьте мне, совершенно безмятежным сном.

Так как купить красный галстук в 10 часов вечера было абсолютно невозможно, пришлось изыскивать внутренние ресурсы.

На заводе, где работал мой свекор, выбросили за ненадобностью первомайский плакат. Это был красный кусок (не знаю точно, бязи или полотна, во всяком случае, очень грубой ткани) метра 3 длиной с лозунгом «Слава КПСС». Не подумайте, что мой свекор был пламенный коммунист. Он вообще был беспартийный, а этот кусок ткани очень годился нам, так как покрывал паркетный пол, когда надо было красить стены, – тогда этот плакат, несмотря на патриотический лозунг, можно было стелить на пол, ходить по нему (какое кощунство!) и даже заляпывать краской. Делать нечего, пришлось отрезать от плаката треугольник. Пионерский галстук, как помните, по форме был тупоугольным треугольником. Тупой его угол приходился на спину, под воротничок рубашки, а два острых конца завязывали впереди узлом.

Треугольник, который я вырезала, был прямоугольным, и поэтому размером был больше стандартного, чтобы концы можно было завязать. Края настоящего, вискозного галстука были обшиты швом «оверлок». А что мне было делать? Надо же как-то обработать края, чтобы не махрились. Теперь представьте себе прямоугольный треугольник – два катета и гипотенуза. У моей продукции один катет – кромка ткани, ее, как вы понимаете, на мое счастье, не надо обрабатывать, второй катет я аккуратно загнула и прострочила на машинке. Когда же загнула и начала строчить по гипотенузе, обнаружила, что по косому срезу край вытягивается. Кто шьет, знает, что край получается волнистый, как оборочка. Пришлось подшивать вручную.

В результате стараний получился большой треугольник красной грубой ткани, один край которого (катет) – кромка, другой край (второй катет) аккуратно подшит на машинке, но шов грубый, т.к. ткань толстая, и третий край (гипотенуза) вообще подшит руками. Этот кошмар я постирала, отгладила и утром строго наказала Мотье:

– Скажешь учительнице, что Ты забыл сообщить мне о том, что нужен галстук, и что через день будет нормальный.

Конечно, я могла бы сочинить душеспитательную историю, что, мол, этот галстук – реликвия нашей семьи, и что в 1925 году Мотыкин дед гордо носил его, и что с тех пор он передается по наследству от отца к сыну, и что он тщательно сберегается в семье (ведь, «как повяжешь галстук, береги его...») и так далее, и тому подобное, и все бы рыдали от умиления... Но, как я вам уже сообщила, врать нехорошо, а в ситуации дети – родители даже непедагогично.

После школы сын пришел, коротко сказал, что его приняли. Я принесла после работы новый галстук (выбежала в перерыв, купила). Как прошел сам прием, и что сказала учительница, он не рассказал (пожалел меня). На всякий случай, чтобы не пришлось краснеть, выслушивая выговор учительницы, на первое родительское собрание после окончания четверти я не пошла. Прошел еще месяц-другой, все (по Вовкиному принципу) «рассосалось», подзабылось, а я (по своему принципу воспитания) вопросов не задавала и подробностей не требовала.

Прошло два года. Володя окончил 10-й класс, Мотыка – 5-й. Мы собрались уезжать. Вещи частью продавали, частично раздавали. Даже тогда я не нашла книгу «Три мушкетера». Это же надо так спрятать! Есть, оказывается, и в квартире «черные дыры», где все пропадает...

У дальних родственников был мальчик немного младше Мотыки, и поэтому он получил «по наследству» все его вещи, в том числе аккуратно сложенную синюю форму, белые рубашки и пионерский галстук. И тогда мои дети, давясь от смеха, признались наконец, как проходил этот знаменательный прием в юные ленинцы.

Когда всем десяти счастливым велели достать галстуки, повесить их на согнутую правую руку и Матвей достал свой так называемый галстук, учительницу можно было только пожалеть – она была близка к обмороку. Ведь Матвей должен был стоять в первом ряду в центре! А в зале – представитель РОНО и, быть может, даже фотокорреспондент местной газеты!...

В Баку две популярные газеты – «Вышка» и «Бакинский рабочий» – 1 сентября, 19 мая (День рождения пионерской организации) и в дни других торжественных школьных событий обязательно помещали статьи на тему «За детство счастливое наше спасибо, Родная страна!». Этому важнейшему материалу отводилась первая страница или одноименная рубрика. И непременно фото счастливых первоклассников или новоиспеченных пионеров.

Детишек для таких ответственных кадров фотокорреспондент сам тщательно отбирал и ставил в первую пару. Не по красоте (хотя очень приятно было бы видеть симпатичные детские рожицы), а по идеологически выдержанному принципу (в интернациональном же Баку живем!). В первой паре должна быть русская блондинка с большим бантом за руку с черноглазым черноволосым пацаном типичной азербайджанской внешности. Во вторую пару допустимо было поставить не столь ярко выраженную иллюстрацию к «дружбе народов» – это, например, могли быть еврейка и армянин – просто выбирали симпатичных детей непонятного этноса.

В первый ряд шеренги будущих пионеров идейно подкованная учительница предусмотрительно поставила «кого следует» – на случай, если придет фотокорреспондент, чтоб не надо было в последний момент менять детей местами. Так, в соответствии с ее понятиями об идеологии интернационализма, в первом ряду, т. е. в первой пятерке из десяти избранных оказались и блондинка, и брюнет, и шатен, и рыженькая. А в середине – Матвей! И не потому, что самый красивый (любая мама скажет, что самый красивый – ее ребенок, но это – выбор учительницы), просто он был такой плакатно-типичный бакинский пионер! Можно даже сказать, что это был как бы собирательный образ интернационального бакинского пионера. Коротко подстриженные каштановые волосы, светлая кожа, черные глаза... А какую наивность они излучали, когда он поднимал их, глядя прямо в лицо учительнице! Но на дне этих

доверчивых и невинных глаз таилось коварное желание задать какой-нибудь каверзный вопрос с плохо скрытым намерением загнать вас в угол. Он обожал хитрые, с подковыркой вопросы.

Итак, возвращаясь к минуте приема Матвея в пионеры – учительница близка к обмороку. Но, закаленная в боях за ленинскую идеологию, быстро приходит в себя.

– Беги на второй этаж в класс к брату, возьми его галстук.

Мотья бежит на второй этаж, ничуть не смущаясь, приоткрывает дверь 8-го класса, просовывает туда голову и руку и согнутым указательным пальцем вызывает брата. Представляете?! В те годы, лет эдак 25 назад, 3-классник, не обращая внимания на учительницу (ни тебе «здрассте», ни «извините»), поманил ученика пальцем, мол, выходи!... Тогда, в те годы... Это сейчас детки без всякого почтения к взрослым. (Ну, это я так, почему бы не побрюзжать.)

Вова встал и вопросительно посмотрел на учительницу.

– Ну, выйди к брату, может, что-то случилось?

В коридоре Мотя:

– Скорее дай твой галстук – мой не подходит.

Вова задумчиво почесал за ухом:

– Как скажешь...

Теперь напомню, что тот важный кусочек ткани, который называется пионерским галстуком, выполнен из вискозы и обработан швом «оверлок». На концах галстука «оверлок» прерывался (швеи строчили-торопились, их можно понять – работа сдельная). Чтобы концы не махрились, существовал метод «обжиг» – если провести над пламенем горящей спички концом галстука, то вискозные махры сплавятся в маленький шарик. При этом в классе, разумеется, запахнет гарью. Учитель, войдя в класс, нервно покрутит носом, приняухиваясь. Странный запах, но явно не курева. (Тайком курили в туалете, а чтобы в классе – ни-ни.) Запах этот быстро рассеивался, но пацанам было по кайфу удивлять педагогов. Вот они и обугливали концы своих галстуков в классе. Да и необходимость была в этом – в момент волнения (вызовут – не вызовут?) иногда грызли концы галстука. (Вас удивили кадры по «ящику», когда Саакашвили грыз свой галстук? Меня – нет. Я помню школьные годы.) Обгрызенные концы снова махрились, и был повод опять опалить их.

Теперь понятно, почему Вова задумчиво почесал за ухом?

– Как скажешь. Надо – возьми.

И вытащил из кармана... мятую-премятую, жеваную, обожженную (и от этого несколько укороченную) «частицу нашего знамени» и отдал брату. Мотья сунул брату тот самый кошмарный галстук, который я смастерила ночью и который был категорически забракован, и, ничтоже сумняшеся, побежал с этой добычей в актовыв зал. А Володя флегматично запихал кусок кумача от «Славы КПСС» в карман и зашел в класс. Ему было все равно, ведь скоро будет «гореть» на груди комсомольский значок.

Учительницу Матвея при виде этой замены снова чуть не хватил удар...

На этом месте Мотькин рассказ прервался – он снова пощадил меня. Но я смутно догадывалась, что это не конец столь веселенькой истории. Однако выяснять и расспрашивать не было возможности во время предотъездной суматохи. Так что окончание ее еще впереди, а пока расскажу, как Вову все-таки «впихнули» в комсомол. Можно даже сказать, по блату (перевозу для тех, кому этот совковый термин не знаком: по знакомству).

В доме напротив жила семья в таком же составе, как и наша: бабушка, мама, папа и два сына – Аркадий, на год старше Вовы, и Дима, на год младше Матвея. Ребята дружили. А Аркадий был членом комитета комсомола школы.

Братья часто бывали у нас. Много рассказывала я ребятам историй из моей

школьной жизни. Особый интерес вызывали у них мои воспоминания о том, как повлияла на всех нас хрущевская «оттепель», какая была эйфория после сталинских «морозов», о забытом ныне фестивале молодежи и студентов в Москве в 1957 году. Даже мы, жившие далеко от Москвы, почувствовали запах свободы и дружбы. Кажется, если молодые люди всех стран будут дружить между собой, то никогда больше не будет ни войн, ни диктаторов...

С каким энтузиазмом мы пели (до сих пор помню):

*Каждый, кто честен,
встань с нами вместе
против огня войны!
Песню дружбы запекает молодёжь,
молодёжь, молодёжь.
Эту песню не задушишь, не убьёшь!
Не убьёшь! Не убьёшь!
Нам, молодым,
вторит песней той
весь шар земной!*

(Л.Ошанин)

После фестиваля стало модно переписываться со школьниками из разных стран. Мои подружки переписывались с друзьями из Польши и Чехословакии (эта страна тогда еще не разделилась на Чехию и Словакию), а я только с девочками из Литвы и Латвии, но это было не так престижно. Из Литвы письма были неинтересные. А вот девочка из Латвии была немного старше меня и писала подробно о своих поклонниках – как она пошла с одним в кино, а другой приревновал, потом на танцы с третьим... Иногда мне казалось, что она фантазировала, выдавала желаемое за действительное, но тем не менее читать было интересно.

И вот как-то одноклассница Руфа, чуть не плача, дает мне адрес француженки(!), которая живет в городе Руан, учится в лицее, хочет изучать русский и переписываться с кем-нибудь. Но у ее папы Гольдшмита (однофамильца великого Януша Корчака) еще не выветрился страх – наследие сталинских времен, хотя был уже год 1963 или 1964, – и он не разрешил ей переписываться с «капиталистической» девочкой. Руфа отдала адрес мне... И я, счастливая, начала переписываться и приносила в класс письма и открытки из Франции!

И мои ребята, и их друзья, Аркадий и Дима, слушали эти рассказы с большим интересом, поражаясь многим бессмысленным запретам того времени.

А вскоре Аркадий – член комитета комсомола школы, ответственный за культурно-массовую, общественную, идеологическую и еще какую-то работу (неважно, какую, потому что он все равно ничего не делал) – увидел на перемене Володю с пионерским галстуком на шее и прыснул со смеху: «Ты еще пионер?!» Он решил позаботиться о друге и взял дело в свои руки, раз тот не может, наконец, покончить со своим пионерством.

Через несколько дней на перемене, сорвав брата с весьма успешного «конного боя», Мотя потащил его к новому выпуску школьной стенгазеты, которую старшеклассники давно уже не читали. А несколько любознательных пятиклассников читали с интересом такие, например, вирши:

*Наш Мирон сидит за партией,
Марками меняется,
А как вызовут к доске,
Сразу изменяется.*

Но Мотя с первого класса бегал по всей школе и был в курсе всех новостей.
– Иди скорее, там про тебя в газете написали!

А в газете был напечатан отчет Аркадия о проделанной... даже трудно подобрать слово – ведь нельзя назвать «работой» полностью высосанную из пальца фантазию, поскольку работы, как таковой, не было ни грамма. В заметке же было сказано, что якобы он, Аркадий, организовал Интернациональный клуб. Члены этого клуба переписываются с пионерами и комсомольцами из других стран и республик, и самый активный – Володя П. из 8А класса.

Вова прочитал заметку, не сдерживая смеха, переглянулся с Мотькой. Они-то поняли, где корни этих историй об интернациональной переписке молодежи.

Звонок разогнал их по классам.

После этого Аркадий сказал, чтобы Вова пришел на ближайшее заседание комитета комсомола. Его приняли в комсомол без сучка и задоринки – активность нам всегда во, как нужна! Аркадия тоже заодно похвалили, а что это за клуб такой, никто не знал, не понял, но даже ухом не повел. Кажется, отчет об этом клубе ушел выше, куда-то вверх по районной, а потом и городской комсомольской иерархии.

Через два года, как уже было сказано, мы получили разрешение на выезд. Володя окончил 10-й класс, Мотька – 5-й. Быстро собрались – время было тяжелое, 1988 год.

*...Время тревожное. Страшное время.
Стенка на стенку и племя на племя.
Множится бремя обид.
Праздник бессилен развеять их ярость.
Кровь закипает и в юном, и в старом,
гневом отмщенья горит.
День равноденствия, равностоянья
мрака и света, а я лишь молю:
«Боже, исполни мое пожеланье
и сохрани, что люблю».*

(Лиана Алавердова. «Новруз Байрам»)

Даже отменили выпускные вечера и гулянья по набережной – встречать рассвет «новой жизни» тоже было запрещено. (Но об этом не хочется вспоминать.)

Вместе с аттестатом всем выдавали характеристики для поступления в вуз или техникум – нужно, не нужно, какая разница? А то потом будут бегать, искать директрису, классного руководителя, секретаря комсомольской организации, а они тоже люди, им тоже летом отдохнуть хочется.

Сын получил две прекрасные характеристики (школьную и комсомольскую), в которых о его «пофигизме» написали красиво: «по характеру выдержан, спокоен» (совсем в стиле «17 мгновений...»). «В общественной жизни класса участие принимал» (это, наверное, об игре в «конный бой»). Еще интересная фраза: «Имеет аналитический склад ума».

Через 3 дня после получения Вовой аттестата зрелости и вышеуказанных характеристик мы уехали. Я сберегла их, как память о Вовиной школьной жизни.

Прошло больше 20 лет. (Боже мой! Почти четверть века...) Вова уже сам папа, да и Матвей тоже...

На очередном дне рождения Володи мне надо было произнести традиционный «мамин тост», и я сказала так:

– Володя очень хороший мальчик (ему больше 40 лет, а все мальчик...). Конечно, вы, уважаемые гости, можете сказать, что мои слова необъективны по определению – это слова мамы. Но я принесла доказательства.

И достала те две характеристики, где было написано о выдержанном характере и даже моральной устойчивости. Гости, смеясь, разглядывали их.

А мои великовозрастные дети вспомнили и как Володю принимали в комсомол, и процедуру Мотыкиного посвящения в пионеры. Вот тут-то мы узнали конец той истории. Оказывается, зная мое неприятие всякой несправедливости, зная, как я буду переживать эту ситуацию, пощадили тогда меня и умолчали о последних деталях того незадачливого дня. После их рассказа меня охватили совсем другие эмоции. Однако пришлось спрятать их подальше, чтобы не портить праздник.

Итак, Мотыка прибежал к учительнице в зал, где принимали в пионеры, с жеваным, мятым галстуком брата. Учительница снова близка к обмороку. Казалось, выхода нет – в зале уже сидит ПРЕДСТАВИТЕЛЬ, уже звучит горн и стучат барабаны... Но она, как истинный борец за коммунистическую идеологию, и в этой ситуации быстро пришла в себя.

И что делает эта «умная» учительница?... Вместо того, чтобы просто поставить Мотю во второй ряд, откуда не видно его позорного галстука (это было бы справедливым наказанием для Моти – лишить его такого престижного места, хотя подозреваю, что он не шибко бы расстроился), она забирает новый, чистый, выглаженный галстук у мальчика из второго ряда позади Мотыки и меняет на тот самый кошмарный галстук, вытащенный из кармана старшего брата. Мальчик стоял в слезах от такой несправедливости и люто ненавидел Мотю.

Представляете его потрясение, его обиду? Как подумаю об эмоциональном состоянии этого малыша, у меня сердце сжимается.

После окончания церемонии Мотыка отдал мальчику его новый галстук, но тот долго еще смотрел на Мотыку исподлобья...

* * *

Школа № 210 находилась недалеко от дома.

Теперь прошло уже много лет после всей этой некрасивой истории... Если когда-нибудь эти строки прочтет незаслуженно обиженный мальчик (сейчас-то уже, разумеется, давно не мальчик), который учился в школе № 210 Низаминского района города Баку, и которого в 1986 году принимали в пионеры, и которому ... учительница (даже не подберу для нее эпитета) поменяла галстук, я прошу его не держать обиду.

Прости, пожалуйста, эту неумную, бестактную учительницу.

Прости моего безалаберного сына.

Но больше всех виновата я, прости меня. Это я, безответственная мамаша, готовя сына в конце лета к 3-му классу, как и все родители, покупала форму, рубашки, книжки, тетрадки и т.д. И даже не подумала о пионерском галстуке.

Я чувствую свою вину перед тобой

Прости меня... Пожалуйста.